

ЕВГЕНИЙ ГАВЛЕНКО

- 1. ВЛАДИМИР РОМАНОВСКИЙ,**
директор Института проблем предпринимательства
- 2. ЕГОР НОСКОВ,**
управляющий партнер «Дювернуа Лигал»
- 3. АНДРЕЙ КОСАРЕВ,**
генеральный директор Colliers в Санкт-Петербурге

В ГОЛОСОВАНИИ ТАКЖЕ УЧАСТВОВАЛИ

- ШАРИФ ГАЛЕЕВ,** управляющий партнер Санкт-Петербургского офиса Deloitte
- АЛЕКСАНДР ГРЕБЕНЮК,** управляющий партнер EY в Санкт-Петербурге
- АНДРЕЙ ГУСЕВ,** управляющий партнер юридической фирмы Borenus
- АЛЕКСЕЙ ДОБРЫНИН,** управляющий партнер Санкт-Петербургского офиса Pen & Paper
- ВЛАДИСЛАВ ЗАБРОДИН,** управляющий партнер Capital Legal Services
- АЛЕКСЕЙ ИГНАТЕНКО,** генеральный директор Rightmark Group
- МАКСИМ КАЛИНИН,** управляющий партнер Baker McKenzie в Санкт-Петербурге
- АНАТОЛИЙ КАРЛОВСКИЙ,** управляющий партнер офиса PwC в Санкт-Петербурге
- ДЕНИС КАЧКИН,** управляющий партнер адвокатского бюро «Качкин и партнеры»
- МИКА КОККОНЕН,** генеральный директор Forte Tax & Law
- ВЕРА КОНСЕТОВА,** генеральный директор группы компаний «АФК»
- КОНСТАНТИН КРУТИЛЬНИКОВ,** председатель совета партнеров адвокатского бюро «S&K Вертикаль»
- ЕКАТЕРИНА МИХАЛЬСКАЯ,** управляющий партнер консультационной группы «Прайм Эдвайс»
- АЛЕКСАНДР МОСКАЛЕНКО,** президент группы компаний «Городской центр экспертиз»
- ВИКТОР НАУМОВ,** управляющий партнер Санкт-Петербургского офиса Dentons
- СЕРГЕЙ ПАНФИЛЕНКО,** управляющий партнер, генеральный директор юридической компании «ССП-Консалт»
- ИВАН СМIRНОВ,** управляющий партнер офиса «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» в Санкт-Петербурге
- ДЕНИС СОСЕДКИН,** управляющий партнер DLA Piper в Санкт-Петербурге
- СЕРГЕЙ СПАСЕННОВ,** старший партнер, руководитель Санкт-Петербургского офиса «Пепеляев Групп»
- ИГОРЬ ЯГНОВ,** руководитель Северо-Западного регионального центра KPMG

КАНДИДАТУРЫ, ДОБАВЛЕННЫЕ УЧАСТНИКАМИ ПРОЕКТА В ХОДЕ ГОЛОСОВАНИЯ

- ВЛАДИСЛАВ ВАРШАВСКИЙ,** управляющий партнер юридической компании «Варшавский и партнеры»

ПРАКТИКА

44 → Среди других проблем она упоминает о необоснованном обращении в доход государства денег, признанных вещдоками: сумму считают полученной в результате совершения преступления, а в действительности она может быть просто накоплениями с пенсии престарелой бабушки осужденного, говорит юрист. Нередко, по ее словам, вещдоки «теряются». «В практике Европейского суда по правам человека по делам против России есть случаи, когда, к примеру, топливо, признанное вещественным доказательством по уголовному делу и переданное на ответственное хранение в войсковую часть, было утрачено или денежные средства, признанные таковыми как орудие контрабанды, утрачены из комнаты хранения вещественных доказательств, из-за чего не были возвращены», — делится госпожа Гламаздина.

„Ъ“ рассказывал об аналогичных происшествиях. Например, в Санкт-Петербурге в отношении бывшего руководителя финансово-экономического отдела Главного следственного управления Следственного комитета России (ГСУ СКР) по городу Дмитрия Ковальчука возбудили уголовное дело о краже денег, являвшихся вещественными доказательствами по уголовным делам. Одним из эпизодов в нем стало хищение \$770 тыс. (более 55 млн рублей), которые были изъяты следственным органом у участника процесса об угоне автомобиля Михаила Харитонов. В 2018 году его и еще троих фигурантов — Дмитрия Федорова, Романа Копотиенко и Сергея Новикова — приговорили к лишению свободы на сроки от трех с половиной до четырех лет и двух месяцев за угон Toyota Land Cruiser 200 стоимостью 3 млн рублей. Среди изъятых по делу вещдоков оказались и \$770 тыс.

На протяжении долгого времени Михаил Харитонов пытался доказать неправомерность изъятия этих средств, утверждая, что они не являлись «деньгами, полученными в результате совершения преступления». Удалось ему лишь в этом году, когда Третий кассационный суд отправил дело на новое рассмотрение во Фрунзенский районный суд Санкт-Петербурга. Весной стало понятно, что \$770 тыс. не успели обратить в доход государства, а похитили из финансово-экономического отдела ГСУ СКР по Санкт-Петербургу. «Практика изобилует случаями, когда следственные органы в целях восполнения дефицита обвинительных доказательств и создания видимости обоснованности обвинения изымают и признают вещественными доказательствами предметы, ни коим образом не относимые к предмету доказывания, что необоснованно ограничивает их собственников», — подчеркивает Анжела Гламаздина.

Между тем есть примеры, когда вопрос о вещественных доказательствах выходит за рамки уголовного дела и становится скорее политическим. Таким стало дело немецких коллекционеров Александра и Ирины Певзнера, которые на протяжении 18 лет не могут добиться от России возвращения купленной ими картины Карла Брюллова «Христос во гробе». В 2003 году Александр Певзнер вместе с супругой приобрел полотно за €100 тыс. у русского православного прихода Воскресения в Брюсселе и привез его в Санкт-Петербург. Через несколько месяцев региональное управление ФСБ

арестовало картину — это произошло после того, как подлинность полотна подтвердили в Государственном Русском музее (ГРМ). В отношении Александра Певзнера возбудили уголовное дело о контрабанде, а полотно передали в ГРМ как вещдок. Спустя десять лет дело прекратили за истечением сроков давности. Однако еще долгое время судьба самой картины так и не была определена, а суды выносили противоречащие друг другу решения.

В 2017 году, после решения Конституционного суда, картина должна была вернуться к супругам Певзнера, но к тому времени она уже была включена в Музейный фонд России. Одновременно с попыткой коллекционеров получить оттуда полотно в ВС обратился замгенпрокурора РФ, потребовав исключить из решений двух инстанций указание на возврат картины супругам Певзнера по причине сомнений в ее принадлежности им. Кассационное представление ВС поддержал, исключив из резолютивных частей решений судов трех инстанций указание о возвращении творения Карла Брюллова ее законным владельцам — супругам Певзнера. Ранее Европейский суд по правам человека коммуницировал другую жалобу супругов Певзнера на отказ российских властей возвращать им картину.

Постановление Конституционного суда, вынесенное в 2017 году, стало существенным для института вещественных доказательств в России, говорит адвокат Максим Крупский, представляющий интересы коллекционера. «Это произошло в части, касающейся конфискации орудий или других средств совершения преступления, принадлежащих на законных основаниях обвиняемому, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Благодаря этому постановлению теперь такая конфискация и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого на это имущество могут производиться только при отсутствии его возражения против прекращения уголовного дела за истечением срока давности и при условии разъяснения ему юридических последствий прекращения, включая конфискацию», — объясняет юрист. Он напоминает, что до вынесения КС этого постановления у обвиняемого при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности легко могли конфисковать принадлежащее ему на законных основаниях имущество, в принципе не спрашивая, согласен ли он на такие условия прекращения или нет.

Тем не менее, говорит адвокат, у официальных органов по-прежнему имеется множество возможностей удерживать интересующие их предметы, признанные ранее вещественными доказательствами, сколь угодно долго, грубо нарушая права собственности граждан. Так, картина «Христос во гробе» по-прежнему находится в руках государства, напоминает господин Крупский. «Даже несмотря на довольно внятную позицию КС РФ и вступившие в законную силу решения высших судебных инстанций, при наличии определенного государственного интереса предмет, однажды ставший вещдоком, может быть на неопределенный срок изъят у законного владельца вне каких-либо законных оснований», — заключает он. ■

ПРАКТИКА